

Гастроли И. С. Козловского в Пензе

(На спектаклях «Евгений Онегин» и «Риголетто»)

«Артист должен ездить, много ездить, по всему миру. Это шлифует артиста. Это дает опыт...» — завещал Шалапин.

Народный артист Союза ССР, лауреат Сталинской премии И. С. Козловский часто гастролирует по городам страны, через концертную деятельность общаясь со своим многотысячным зрителем. Живое общение с народом творчески обогащает его.

Пенза с большим нетерпением ждала любимого певца. И вот И. С. Козловский уже выступил в двух спектаклях театра оперы — «Евгений Онегин» и «Риголетто». Его выступления, прошедшие с огромным успехом, превратились в настоящий праздник музыкального искусства. Наш зритель тепло принял и обладал актёра.

Образ Ленского был настолько вдохновен, прозрачен и лучист, что покорила своей теплотой, поэтичностью. Именно о таких исполнителях мечтал П. И. Чайковский, когда говорил, что «оперы мои нуждаются в хороших певцах и опытных артистах». И, хотя образ Ленского в опере Чайковского дан менее активным, чем другие персонажи, показан не столь многогранным, однако, как и в образе Татьяны, композитор противопоставил в нем светлое и трагическое.

В Ленском Козловского живет юная горячность. Страстным порывом прозвучало ариозо «Я люблю вас, Ольга». Задушевностью, тончайшей лирикой пахнуло на нас, когда раздались звуки ариозо «В вашем доме». И тихая, «светлая» пушкинская грусть полилась в зал, когда Козловский начал арию «Куда, куда вы удалились». Сколько в этих словах и звуках жажды жизни и любви!

Во всем его облике, в манере держаться, двигаться отразилась пушкинская эпоха. Перед нами выросла ярко очерченный образ молодого человека XIX столетия. И невольно вспоминался Белинский:

«Ленский был романтик и по натуре, и по духу времени... Это было существо, доступное всему прекрасному, высокому, душа чистая и благородная».

Таким мы и увидели Ленского в исполнении И. С. Козловского.

Однако были в исполнении артиста вещи, которые вызвали досаду у зрителей. О них нельзя умолчать. Певец экономит голос, словно бережет себя для ариозо и арии. Почти все ариозо «В вашем доме», адресованное Лариной, он поет в публику. Это уводит его от общения с партнерами, нарушает развитие сценического действия. Выводят актёра из сценического состояния допускаемые им «вольности», когда он в ходе действия кокетничает с партнерами, дирижером, зрителями.

Участие И. С. Козловского в опере «Евгений Онегин» подтянуло весь строй спектакля, всех актёров, которые серьезно старались дать хорошее представление. Спектакль шел «на нерве», в духе «лирических сцен» Чайковского, его лирико-психологических мотивов «интимной, но сильной драмы».

Это шло, повторяем, за счет И. С. Козловского, за счет исполнительниц партий Татьяны — артистки А. Н. Симаковой и няни — артистки М. З. Харитоновой. Поддерживали ансамбль спектакля артистка В. В. Лукьянчикова (Ларина), артист К. А. Самаров (Трике) и другие. Неожиданно чисто звучал хор, особенно женский, трогательно исполнивший «Девушки-красавицы».

Сцены Татьяны с няней, особенно сцена письма, хороши в своей народной простоте, нежности, романтической приподнятости. Сцена письма верно понята артисткой Симаковой, психологически оправдана. Гармоническое единство музыкального и драматического воплощения образа позволило раскрыть замысел композитора и

показать целомудренно-чистую и прекрасную русскую девушку Татьяну. Тематически самостоятельные ариозо в сцене письма певца логически связывает и обеспечивает музыкальную целостность.

Хотя у артистки Симаковой на последних спектаклях появилась резкость в верхнем регистре, очень заметная детонация, особенно в ариозо «Онегин», я тогда мо-

ложу и лучше, кажется, была», образ Татьяны запечатлевается и покоряет своей задушевностью, мечтательностью и страстью.

Поэтому основная идея оперы, которую Станиславский определил словами Татьяны: «Я другому отдана и буду век ему верна», идея верности чувству, долгу, идеалу донесена до зрителя. Ведь эту идею несет и образ Ленского, который верен своему идеалу, воплощенному им в Ольге. Эта идея — и в образе Онегина. Но театру не вполне удалась заглавная партия.

Надо сказать, что наш театр оперы за последнее время растерял кадры и не имеет хороших исполнителей на некото-

рые ответственные партии, что снижает художественный уровень спектаклей. Так получилось и с партией Онегина. Ее исполнил слабый певец, поэтому (в связи с приездом Козловского) в спектакль спешно ввели артиста П. А. Павловского. Он проделал «сизифов труд», пытаясь выручить театр. Большой опыт помог ему создать сценический образ Онегина, но чисто внешне. Удалось ему некоторые сцены и в музыкальном отношении. Однако в целом вокального образа не получилось. Жесткий тембр голоса, опереточный стиль звуковедения мешали этому. Зритель не почувствовал «страдающего эгоиста», как называл Онегина Белинский, благородного юноши, который не находил в окружающей его жизни свой воображаемый идеал и слишком поздно разгадал его в Татьяне.

Не прозвучала в менторском духе ария «Мне писали». Ариозо «Увы, сомнение» не обнаружило страстности и не подтеркнуло того изменения, которое произошло в некогда сдержанном, резонерствующем Онегине. Финальный дуэт певец вел с большим напряжением, нередко спадая с тона. Поэтому в заключительной сцене было много жестикюляции, но не было нарастания страсти. Пропала драматическая фраза «Позор, тоска...», заканчивающая спектакль.

Ни сценического, ни музыкального образа Ольги артистка З. Г. Северская создать не смогла. Уже в первой картине, где в интонациях должны быть «энергия, бодрость, беззлобие и простота», как требовал Станиславский, детская беззаботность и веселье, появляется слишком взрослая, малоподвижная Ольга и на низких, вымученных нотах поет: «Меня ребенком все зовут».

Голосовые средства артиста Д. П. Седова не позволили слова изумительной по силе и красоте арии—монолог Гремiana «Любви все возрасты покорны»—пронести через звуковую завесу, которую «повесил» оркестр между сценой и зрительным залом.

Оркестр (дирижер Ф. П. Вазерский), фальшивил, а в первой картине даже не сумел вовремя вступить в первую же

реплику Ленского. Декоративное и вещественное оформление спектакля обветшало. Все это свидетельствовало о том, что организаторы гастролей И. С. Козловского и руководители театра безответственно отнеслись к этому нужному и важному мероприятию.

Спектакль «Риголетто» привлек зрителей не только изяществом музыки и внимательностью сюжета, чем отличается творчество Джузеппе Верди, обладающего к тому же большим драматическим темпераментом и меткостью характеристик действующих лиц, но и участием в нем И. С. Козловского, выступившего в одной из лучших своих партий—герцога.

Спектакль оставил яркое впечатление у зрителей. Он был более собран и организован, чем предыдущий.

Несмотря на болезнь, И. С. Козловский блеснул своим певческим мастерством. Он неоднократно биссировал и прелестно спел арию «Сердце красавицы» на русском и итальянском языках.

Партию Риголетто вел опытный певец М. И. Аратов. К сожалению, над артистом довлеют чисто внешние приемы сценической передачи. Он не добился внутреннего состояния образа, чем обескровил его. Не это ли привело к тому, что при подходе к высоким нотам артист делает неестественные позы, выводящие его из образа?

Исполнительница партии Джильды— артистка Д. П. Приходько в основном справилась с очень трудным музыкальным материалом. Обедняет образ ее сценическая беспомощность и неясная дикция.

Сценически запоминающийся образ Мадлены создала артистка М. З. Харитоновна.

У других участников спектакля неприятно тремолом голосов. Они форсируют звук. От них трудно ждать свежести и чистоты звучания. Это относится, прежде всего, к артистам Г. П. Патрикееву (Спа-рафучилле), Н. А. Кортунову (граф Чепрано), Д. П. Седову (Монтероне) и В. М. Клокачевой (Джиованна).

Несмотря на обидное, недопустимое снижение качества спектаклей в нашем театре, зритель с удовольствием побывал в нем в эти дни. Он слушал Козловского!

К. ВАСИЛЬЕВ.